

Л.И.Дворецкий

**О СУДЬБАХ
ВЕЛИКИХ**

Второе издание

Москва

УМНЫЙ ДОКТОР

2019

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3.8
Д24

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в любой форме и любыми средствами без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Дворецкий, Леонид Иванович.

Д24 О судьбах великих / Л.И.Дворецкий. – 2-е изд. – Москва : Умный доктор, 2019. – 416 с. : ил.
ISBN 978-5-6040667-7-5

Предлагаемая читателю книга представляет собой уникальный труд врача, рассматривающего медицину как часть человеческой культуры. Автор обсуждает характер заболеваний и возможные причины смерти известных музыкантов, художников, писателей. Медицинские мотивы в книге тесно переплетаются с социально-историческими событиями различных эпох и темой взаимосвязи психофизического состояния мастеров с их творческой идеологией. На страницах книги читатель найдет немало интересных сведений о состоянии медицины прошлых веков, об известных медиках, участвовавших в лечении знаменитых творческих личностей. Размышления автора о судьбах и недугах великих сохраняют интригу, предоставляя читателю возможность участвовать в обсуждении характера их заболеваний и проводить параллели с их творчеством.

Книга адресована врачам различных специальностей, а также всем, кого интересуют проблемы креативности и творчества.

УДК 616.1/9
ББК 54.1:63.3.8

ISBN 978-5-6040667-7-5

© Дворецкий Л.И., 2018
© Оформление, оригинал-макет.
ООО «Умный доктор», 2018

Содержание

Михаил Глинка в зеркале медицины	4
Роковая инфекция.	
Болезнь и смерть П.И.Чайковского	74
Страсти по Мусоргскому.	
Немузыкальная драма композитора	98
Смерть на чужбине.	
О болезни С.В.Рахманинова	129
Творческое долголетие Игоря Стравинского. . . .	141
Зловещий рок музыкантов	154
Фредерик Шопен.	
Болезнь короля фортепьянного замка.	165
Франц Шуберт. Последняя инфекция.	
Умолкнувшая песня	201
Долгое молчание Россини.	220
Жорж Бизе. Тайны жизни и смерти	244
Скорбный лист Достоевского	271
О болезни и смерти Н.А.Некрасова.	327
Кто вы, доктор Бьяншон?	
О болезни Оноре де Бальзака	359
Померкнувший свет.	
Долгая жизнь Эдгара Дега	387

Михаил Глинка в зеркале медицины

17 февраля 1857 года в Берлинской газете *Vossische Zeitung* было опубликовано траурное сообщение: «Берлин, 15 февраля 1857 года. Здесь после непродолжительной болезни 15-го сего месяца скончался от хронического недуга русский императорский капельмейстер Михаэль фон Глинка. Сие извещение от имени его здешних почитателей и друзей. Похороны состоятся в среду, 18-го сего, в 11 часов утра от скорбного дома на Францешиштрассе, 8». Однако самая первая официальная скорбная запись о кончине М.И.Глинки в Берлине была сделана в день его смерти в церковной книге общины при храме Святой Троицы об упокоившихся в приходе в феврале 1857 года.

Так Германия первой узнала о кончине великого русского композитора, а немецкая земля первой удостоилась чести принять его прах. М.И.Глинка – первый русский музыкант, умерший за границей. Вслед за ним смерть на чужбине настигла Н.Г.Рубинштейна, С.В.Рахманинова, Н.К.Метнера, А.К.Глазунова, И.Ф.Стравинского. Но сейчас наше внимание приковано к Михаилу Ивановичу Глинке. Тем более что о проблемах со здоровьем компози-

тора говорится во многих биографических и мемуарных источниках. Ведь Глинка постоянно прибегал к медицинской помощи, беспрестанно менял докторов, пользовался услугами то аллопатов, то гомеопатов, назначавших самые различные методы лечения, о чем свидетельствуют как письма самого композитора, так и воспоминания современников.

Нам предстоит проанализировать клинические особенности состояния здоровья М.И.Глинки с юношеских лет до последних дней его недолгой жизни на основании имеющихся эпистолярных материалов и обширной мемуарной литературы. Наиболее важным источником медицинской информации могут служить письма самого композитора, поскольку с чисто врачебных позиций сведения, полученные из писем пациента, правомочно расценивать как своеобразный эпистолярный анамнез. В этих письмах образ Глинки и картина его заболеваний вырисовываются несравненно ярче и полнее, чем в каких-либо биографических очерках. К тому же, помимо чисто медицинских аспектов, письма дают возможность познакомиться с различными сторонами его жизни (творческой, дружеской, семейной и т.д.) и попытаться выстроить причинно-следственные связи. Полученная информация позволяет обсуждать различные диагностические гипотезы, ретроспективно оценивать характер и клиническое значение симптомов, описываемых самим пациентом, комментировать течение заболевания, заключения врачей, результаты лечения и т.д. В связи с этим особый интерес представляет уникальный автобиографический материал «Записки Глинки», написанные композитором в 1854–1855 годах по просьбе его сестры, Л.И.Шестаковой, и опубликованные впервые в 1870 году в журнале «Русская старина».

Для лучшего понимания характера недуга Глинки необходимо обратиться к истории его детства, поскольку нередко истоки заболевания берут свое начало именно в этом возрастном периоде. Поэтому русские клиницисты (Г.А.Захарьин, С.П.Боткин и др.) при сборе анамнеза больного придавали большое значение событиям детского возраста. Известно, что сразу после рождения мальчика забрала на воспитание его бабушка, считавшая родителей недостаточно опытными и опасавшаяся, как бы с Мишей не случилось то же, что и с первым ребенком, не прожившим и нескольких месяцев. Она сама выбрала кормилицу, няnek и полностью посвятила себя уходу за внуком. Больше всего на свете она опасалась простуды и поэтому почти не выпускала ребенка из жарко натопленной комнаты, укутывала его даже летом настолько тщательно, что крестьянские дети посмеивались над ним, а зимой мальчик практически не выходил на улицу. Отчасти с этим может быть связана необычайная болезненность композитора, преследовавшая его всю жизнь, на что указывает сам М.И.Глинка в своих «Записках»: «Я был ребенком слабого сложения, весьма золотушного и нервного расположения; бабушка моя, женщина преклонных лет, почти всегда хворала, а потому в комнате ее (где обитал я), было, по крайней мере, не менее 20 градусов тепла по Реомюру (1° по шкале Реомюра соответствует 0,925°C. – Л.Д.). Несмотря на это, я не выходил из шубки, по ночам же и часто днем поили меня чаем со сливками, со множеством сахара, кренделей и бубликов разного рода; на свежий воздух выпускали меня очень редко и только в теплое время. Нет сомнения, что это первоначальное воспитание имело сильное влияние на развитие моего организма

и объясняет мое непреодолимое стремление к теплым климатам; и теперь, когда мне уже 50 лет, я утвердительно могу сказать, что на юге мне лучше жить и я страдаю там меньше, чем на севере...»

В 14 лет Глинка был определен в Петербургский благородный пансион при Главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 году в Санкт-Петербургский университет. Гувернером у Глинки оказался Вильгельм Кюхельбекер, будущий декабрист, однокашник А.С.Пушкина по Царскосельскому лицей, прививавший будущему композитору любовь к Пушкину и восхищение каждым новым его произведением. За время обучения в пансионе Глинка часто страдал простудными заболеваниями, сопровождавшимися воспалением глаз, которые сам он называл «золотухой», но которые, скорее всего, были проявлением конъюнктивита, возможно, аллергического. Кстати, термин «золотуха» часто фигурирует как в письмах композитора, так и в заключениях наблюдавших его врачей. По современным представлениям под старым, романтизированным термином «золотуха», ныне не употребляющимся, понимают проявления атопического дерматита, либо раздражение кожи от потливости в области головы и ушей. Эти кожные поражения возникают обычно у ослабленных детей, родившихся раньше срока, живущих в неблагоприятных условиях, а также при перекармливании их сладостями, перекутьвании. При этом могут также наблюдаться поражения слизистых носа, среднего уха, конъюнктивиты. Не исключено, что старания композиторской бабушки защитить его от простуд могло стать одним из факторов его «золотухности».

«Расстройства здоровья», врачи, лечение

В «Записках» первое упоминание Глинки о «нездоровье» относится к 1821 году: «В последний год курса около зимы с 1821 на 1822 год приехал в Петербург дядя Афанасий Андреевич; я воспользовался неважным расстройством здоровья, чтобы на время переехать к нему». Примечательно, что 17-летний юноша уже ощущает и обращает внимание на свое здоровье и находит его расстроенным. В дальнейшем это сакраментальное «расстройство здоровья» в различных проявлениях будет фигурировать на протяжении всей жизни композитора. Начало самостоятельной жизни 19-летнего Михаила Глинки после окончания пансиона ознаменовалось не поступлением на службу, а поездкой в 1823 году на кавказские минеральные воды для лечения и укрепления здоровья. «Показания» к курортному лечению были определены его двоюродной сестрой. Как пишет Глинка, «в одну из моих поездок из пансиона к родителям во время вакаций, будучи у замужней двоюродной сестры, которую лечили (и потом вылечили) магнетизмом во время сеансов в состоянии ясновидения, она сказала, что для моего золотушного расположения мне будут полезны кавказские минеральные воды. Я немедленно собрался в путь...». Очевидно, что это были за «сеансы» и какую «болезнь» они вылечили у сестры. Результаты своего лечения Глинка подробно описывает в «Записках»: «Вскоре по приезде мы приступили к лечению, т.е. начали брать теплые серные ванны и пить воду из так называемого кислосерного источника. Впоследствии я купался, или, лучше, варили меня в ванне, иссеченной еще черкесами в камне, откуда шла струя серной воды 37 или 38 градусов по Реомюру.

Зигфрид Ден (1799–1858).

Из архива Музыкального
отдела государственной
библиотеки в Берлине.

в «Записках» и в письмах открыто выражал свое восхищение личностью Дена и творческой манерой его преподавания: «Он не мучил меня школьным и систематическим образом, напротив, всякий почти урок открывал мне что-нибудь новое, интересное». В дальнейшем между М.Глинкой и З.Деном сложились прочные дружеские отношения. Они переписывались, Глинка посылал Дену по его просьбе свои сочинения и, выезжая за границу, стремился встретиться с ним. Он называл Дена «гениальным maestro», «бесспорно первым музыкальным знахарем в Европе», «Дену обязан я более всех других моих maestro». Глинка не раз встречался с Деном, и судьбе было угодно, чтобы во время своей последней поездки в Берлин Глинка скончался практически на руках своего «гениального maestro».

Что касается здоровья композитора, то и его пребывание в Берлине не обошлось без врачебных консультаций и лечения, причем на этот раз он постоянно пользовался услугами доктора-гомеопата. В конце апреля 1834 года Глинка, получив известие о смерти отца, возвратился в Смоленск.

В период первой заграничной поездки по Италии и Германии (1830–1834) Глинку все чаще и чаще посещали мысли о создании произведения, проникнутого национальным духом. Так начала зарождаться опера «Иван Сусанин». Уместно напомнить о необычной ситуации, сложившейся в Петербургском Большом театре в период подготовки постановки «Ивана Сусанина». Дело в том, что с 1815 года в театре уже шла опера Катерино Кавоса «Иван Сусанин» по либретто А. Шаховского. Но ознакомившись с партитурой оперы Глинки на тот же сюжет, Кавос оценил талант своего русского коллеги, признав преимущество его оперы, и по собственной инициативе снял с репертуара свое произведение. Примечательно, что Кавос был дирижером на премьере «Жизни за царя».

Пробыв некоторое время вместе с матерью и сестрой, композитор вновь срочно стал собираться в Берлин. Перед намечавшейся поездкой Глинка описывает свое общение с петербургскими эскулапами, с которыми его свел один из родственников: «Сперва он отдал меня на руки Вольскому, но удачи не было; тогда он повез меня к генерал-штаб-доктору Гаевскому, который нашел, что я в магнетическом состоянии и советовал употребление магнетизма, чтобы помочь этому состоянию нервной системы (*p o u r m e d é m a g n e t i s e*). Избранный для сего доктор Лихтенштед неохотно согласился, говоря, что он убедился, сколь ненадежно прибегать к магнетизму. И действительно, во время магнетизирования я стонал от мучительных ощущений, а после третьего сеанса надо было прекратить опыты, потому что нервы раздражались до жесточайшей степени. Я снова обратился к гомеопатии, и известный в то время доктор Герман значи-

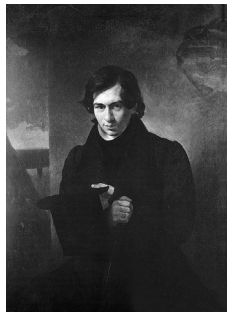
дывать... В 1851 году правая рука, а в прошлом, 1854 году правая нога у меня расшалились; к счастью, я не лечился, а теперь и та, и другая в порядке». Такое же, не очень комфортное, душевное состояние усматривается и в письме к В.П.Энгельгардту в ноябре 1855 года: «Любезнейший барон В.П.! Не сетуйте на меня за мое долгое молчание и верьте, что не лень, а страдания и скука не допускали меня писать к вам. Да и о чем писать? Моя теперешняя жизнь до такой степени утомительно единообразна, что, право, нечего сообщить вам... Досады, огорчения и страдания меня сгубили, я решительно упал духом. Жду весны, чтобы удрать куда-нибудь отсюда».

М.Глинка и Н.Кукольник

В начале 1830-х годов Глинка сблизился с Нестором Кукольниковым – поэтом, прозаиком, драматургом, журналистом и общественным деятелем, очень известной личностью XIX века, совершенно позабытой в наше время. О нем напоминает лишь находящийся в Третьяковской галерее портрет, написанный Карлом Брюлловым.

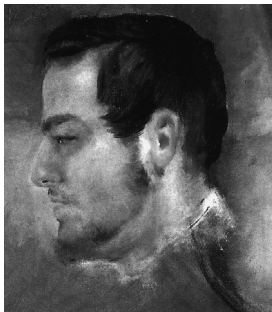
В тот период, когда несчастного Глинку преследовали семейные неурядицы, постоянные «недомогания», когда он ушел из придворной певческой капеллы, спасало его общение и дружба с братьями Нестором и Платоном Кукольниками. Едва ли не каждый день Глинка проделывает ставший для него привычным путь – от своей квартиры на Мойке к Фонарному переулку, к дому братьев Кукольниковов, где композитор жил какое-то время, уйдя от жены. Друзья Глинки недоумевали: композитор прикипел к кружку, который за разгульный образ жизни и частые возлияния иначе как «шайка» и не назовешь.

*К.Брюллов.
Портрет Нестора Кукольника.*

На квартире у братьев Кукольников собиралась вся столичная богема: актеры, художники, писатели, музыканты, композиторы. В эту компанию входили художники Иван Айвазовский и Карл Брюллов, недавно вернувшийся из Италии, художник и скульптор Я.Ф.Яненко, написавший портрет М.И.Глинки. К.Брюллов делал много дружеских шаржей на Глинку, которого обидало, что художник, написавший портрет Нестора Кукольника, так и не создал настоящего портрета композитора. Правда, есть один набросок портрета Глинки, сделанный Брюлловым, который, кстати, под конец жизни признался, что только Глинку считал равным себе собратом по искусству. Н.Кукольник называл себя родоначальником школы русских романтиков, признавая гениальную триаду в литературе, живописи и музыке: себя самого, Брюллова и Глинку.

Количество гостей в доме братьев Кукольников увеличивалось, и литературно-музыкальные вечера все больше напоминали шумные попойки. По всей вероятности, после одного из таких вечеров пьяная компания высыпала на улицу и отправилась в известный дом с красны-

*М.И.Глинка.
Набросок Карла Брюллова.*

ми фонарями на окнах. Именно там Нестор Васильевич и познакомился с молодой немкой Амалией фон Фризен, ставшей его гражданской женой. Сожительство с бывшей проституткой породило множество слухов и отвратило от Кукольника большинство друзей. Обвенчались они в 1843 году, без гостей и особой церемонии, в небольшой деревянной церквушке на окраине Петербурга. Узнав о смерти Глинки, которую он очень болезненно переживал, Н.Кукольник приложил все усилия для проведения панихиды. С уходом Глинки начался новый этап в жизни писателя. Около полугода он пробыл за границей на лечении по поводу предполагаемого туберкулеза, а по возвращении уволился со службы и перебрался с женой в Таганрог. Умер Н.Кукольник внезапно, что породило версию об отравлении, которое связывали с любовным треугольником. Но эта история уже выходит за рамки нашего «врачебного консилиума» по поводу Глинки.

Нестор Кукольник не принадлежал к выдающимся поэтам, но именно он постоянно побуждал Глинку к творчеству, критиковал и требовал от композитора совершенства написанных им произведений. Творческое

содружество М.Глинки и Н.Кукольника обогатило русскую музыкальную культуру целым рядом произведений, среди которых основное место, несомненно, занимает вокальный цикл «Прощание с Петербургом». Глинка вспоминал историю создания цикла: «В день моих именин, т.е. 21 мая, когда я шел из Ревельского подворья к Степанову, где провел большую часть того дня, мне пришла мелодия болеро «О, дева чудная моя». Я попросил Кукольника написать мне стихи для этой новой мелодии, он согласился, а вместе с тем предложил мне несколько написанных им романсов. По этому, кажется, поводу пришла Платону (брату Нестора Кукольника. – Л.Д.) мысль о двенадцати романсах, изданных потом П.И.Гурскалиным под именем «Прощание с Петербургом». У меня было несколько запасных мелодий, и работа шла весьма успешно».

У каждого из 12 романсов этого цикла своя история, своя жизнь, свое настроение. Это тоска и сожаление о минувшей жизни в каватине «Давно ли роскошной ты розой цвела», танцевально-страстные ритмы в болеро «О, дева чудная моя», задушевность и легкая печаль в «Жаворонке», движение, порыв, нетерпеливое ожидание встречи в «Попутной песне», благородный героический дух в «Рыцарском романсе». В настроениях Глинки, писавшего эти романсы, ощутимо стремление к странствиям, которые правильнее назвать «странствиями души». Ведь в период создания цикла на состояние композитора оказывали влияние и семейные неурядицы, и сплетни, и пересуды, и постоянно меняющееся настроение. Единственным выходом, как ему казалось, может стать отъезд из Петербурга в чужие края в попытках забыться новыми впечатлениями, новыми встречами. Но на этот раз прощание с Петербургом было виртуальным – Глинка ехать за границу раздумал.

Несколько позже, в 1842 году, Глинка, вдохновленный творчеством Н.Кукольника, пишет музыку к его драме «Князь Холмский». «В это время я, по просьбе братьев Кукольников (у которых тогда жил), написал увертюру, антракты, песнь «Ходит ветер у ворот» и романс «Сон Рахили» для вновь написанной Нестором Кукольниковом драмы «Князь Холмский». Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представления». И хотя драма Н.Кукольника, не склонного тщательно работать над своими произведениями и «настрочившего» ее меньше чем за месяц, считалась не очень удачной, Глинка все же написал к ней гениальную музыку. Видимо, несомненный талант Кукольника затронул творческое воображение композитора, отразившего внутренний мир героев, бушующие в их душе страсти, надежды. Музыкальные образы Глинки (например, образ еврейской девушки Рахили) оказались ярче, чем в самой драме, и как бы спасли ее от полного забвения. Недаром В.В.Стасов писал: «Это гениальное произведение, принадлежащее к эпохе совершеннейшего развития таланта Глинки, до сих пор оставалось в полной неизвестности, и потому я считаю необходимым обратить на него особенное внимание петербургской музыкальной публики». А другой русский музыкальный критик, А.Н.Серов, в статье «Малоизвестное произведение Глинки» (1857) характеризует музыку «Князя Холмского» как «одно из капитальных творений гениального русского музыканта» и сравнивает ее с «Эгмонтом» Бетховена. Сам же композитор любил свое произведение и был благодарен Нестору Кукольникову за повод к созданию этой музыки. Не следует забывать, что на слова Н.Кукольника написан

еще один, пожалуй, самый знаменитый романс Глинки – «Сомнение» (1838), посвященный одной из его учениц. В «Записках» Глинка отмечает: «В 1838 году, на масленой неделе, по недоразумению поссорился я с Гедеоновым и прекратил уроки в школе. Тогда же для милой ученицы моей К.И.Колковской написал романс «Сомнение» для контральто, арфы и скрипки; слова Н.Кукольника». Проникновенный голос Ф.И.Шаляпина – гениального исполнителя этого романса – в полной мере позволяет почувствовать и сложный внутренний мир композитора, и его бесспорное увлечение молодой ученицей... С именем Каролины Колковской связано появление еще одного вокального шедевра – романса «В крови горит огонь желанья», история создания которого необычна. «Этот романс написал я 20 или 21 мая того же 1838-го в Новгороде-Северском и послал его в письме к Нестору Кукольнику для доставления бывшей ученице моей, о которой сохранил еще живое воспоминание. К этой музыке подобраны впоследствии слова Пушкина: «В крови горит огонь желанья». Стихи Пушкина настолько органично вписались в ритм, размер и мелодию романса, что теперь уже невозможно представить себе одно без другого.

Однако наряду с творческими плодами общение Глинки с братьями Кукольниками и их компанией, возможно, оказало негативное влияние на здоровье композитора. По свидетельству современников, музыкально-литературные вечера у Кукольников частенько выходили за рамки творческих встреч и превращались буквально в шумные попойки. За компанией закрепилось название «кукольниковская братия»; сам Нестор Кукольник носил прозвище Клюкельник, а Якова Яненко прозвали Пья-

Я.Ф.Яненко.
Портрет М.И.Глинки
(около 1840 г.).

ненко, что со всей очевидностью отражало «застольные» пристрастия компании.

Квартиру посещала самая разная публика, но иногда устраивались и выездные гуляния «братии». Вот как описывает музыкант Ю.К.Арнольд, один из участников веселых вечеринок, выезды «братии» на квартиру к уже достаточно в то время известному композитору А.С.Даргомыжскому: «Мужчины, и в особенности «артистическая» компания, обыкновенно «прохлаждались» в собственных покоях Александра Сергеевича (Даргомыжского. – Л.И.) <...> а «братия» – та по своей привычке «прохлаждалась» не столько чаем, сколько ромом или коньяком да красным вином. Через некоторое время большая часть из нас воротилась в залу. Но Глинка и «братия» продолжали «прохлаждаться». Несколько дам просили Даргомыжского сыграть одну из сонат Бетховена <...> и он сел за рояль и начал играть. Когда он дошел до средней части, то явилась вдруг с шумом вся эта ватага, да, видимо, в довольно «оживленном» состоянии. Нестор Кукольник и Яненко торжественно ведут Глинку, Платон подбегает к Даргомыжскому и говорит:

М.И.Глинка.

Фотография С.Левицкого,
сделанная 25.04.1856 г.

нешней весной снял с моей хари удивительнейший портрет, и, буде пожелаешь, чрез твоих знакомых можешь получить экземпляр онаго), и воздерживаюсь, елико возможно, от всех излишеств».

В этом письме впервые появляется не только обычная жалоба на «часто и шибко пошаливающие нервы», но и жалоба на «расстройства» со стороны печени. Неизвестно, насколько это действительно были симптомы заболевания печени и кем они трактовались как расстройства печени (самим композитором или консультирующими его врачами). Кроме того, упоминается не только собственный возраст как возможная причина этих расстройств, но и воздержание «елико возможно, от всех излишеств». Об этих же «излишествах» упоминается и в письме к В.П.Энгельгардту 30 сентября 1856 года: «Здоровье мое значительно поправилось, и доктора мои находят, что еще органического повреждения нет. Требуется, однако, чтобы я значительно изменил образ жизни и тщательно бы избегал всяких излишеств, что мне в Берлине и в Париже даже удобнее исполнить, нежели в гадком Петербурге». О каких излишествах в прошлом

и настоящем шла речь, можно только догадываться! Но почему же в Берлине и в Париже легче избегать этих «излишеств»? Уж не имеет ли Глинка в виду веселую «кукольниковскую компанию»? Уж не потому ли Петербург стал для него с определенного времени даже «гадким» и даже вынудил его уехать? Отчасти ответы на эти вопросы можно получить в строчках из письма к К.Булгакову: «Что же касается до *запоя*, то без хлебных и виноградных питей от онаго сиречь *запоя* в Питере не отделаешься. Как тебе самому известно, здесь пожирают блины, ходят в церковь, шатаются по концертам и пр. и пр. <...> вроде нашествия Татар...». Примерно об этом же он пишет В.П.Энгельгардту 31 октября 1856 года: «Я покоен, насколько это возможно. Это именно то состояние души, которого я давно домогался и которого нигде в Питере мне не найти, ибо я стал zelo раздражителен, а здесь меня никто и ничто не трогает».

7 января 1857 года для Глинки становится памятным днем. Он получает от находившегося в Берлине композитора Д.Мейербера письмо следующего содержания:

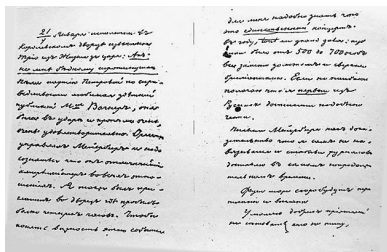
«Д.Мейербер

(Берлин, 7/19 января 1857 г.)

Сударь! Понедельник

Сегодня в полдень у нас репетиция с певцами под фортепьяно к придворному концерту. Эта репетиция состоится в Конрадиевском зале драматического театра. Не хотите ли вы сделать нам честь ненадолго прийти туда, чтоб под своим управлением провести репетицию вашей прекрасной пьесы и посмотреть, верно ли мы соблюдаем темпы и оттенки.

Благоволите принять изъявления моего совершеннейшего уважения».

Последнее письмо
М.И.Глинки, написанное
21 января 1857 года
сестре, Л.И.Шестаковой.

Это было приглашение участвовать в репетиции известного трио из оперы «Иван Сусанин» «Ах, не мне, бедному сиротинушке...», выбранного для исполнения на концерте в королевском дворце. Участие композитора и его произведения в весьма статусном мероприятии стало не только признанием музыкального авторитета Глинки, его триумфом, но и значительным событием в русской музыке. «Чтобы понять важность этого события для меня, надобно знать, что это единственный концерт в году, *tout en grand gala**: публики было от 500 до 700 особ, все залито золотом и сверкало бриллиантами. Если не ошибаюсь, полагаю, что я п е р ы й (разрядка М.И.Глинки. – Л.Д.) из русских, достигший подобной чести...» – писал Глинка в письме своей сестре, оказавшемся последним в его жизни.

Концерт прошел с большим успехом, но, к сожалению, оказался последним в жизни русского композитора. На следующий после концерта день он почувствовал себя плохо, о чем сообщал сестре в том же письме: «У меня сильная простуда или грипп, а время мерзкое, просто ничего не видать от тумана и снега». Обычно мнительный, на сей раз он отнесся к своей болезни как к заурядному недомоганию. Посетивший его врач не нашел ничего

угрожающего, а по воспоминаниям находившихся рядом с ним лиц, он даже продолжал сочинять.

Между тем болезнь усугублялась. Встревоженный З.Ден навещал своего друга каждый день. Почти не отходили от Михаила Ивановича жившие рядом молодой композитор В.Н.Кашперов и его жена. 4 февраля больного навестил только что приехавший в Берлин его давний друг музыковед и писатель В.Ф.Одоевский: «Глинка весь встрепенулся, услышав русскую речь, – вспоминал он впоследствии, – встал с постели, утверждая, что у него только легкое нездоровье, и сыграл мне свою небольшую новую пьеску в строгом церковном стиле...» Судя по этому сообщению, состояние композитора, казалось бы, можно оценить как удовлетворительное, однако к середине следующей недели усилилась слабость. 13 февраля Глинка сильно оживился с приходом З.Дена и все порывался, как позже Ден сообщал Л.И.Шестаковой, поделиться с ним чем-то важным, но откладывавшимся со дня на день, «поскольку, видно, касалось сугубо личных тайн».

На другой день состояние Михаила Ивановича резко ухудшилось. Вновь пришедший Ден нашел его совершенно безучастным ко всему окружающему. О последних сутках жизни Глинки написала в своих воспоминаниях Л.И.Шестакова, собравшая все подробности от окружавших его тогда людей: «За несколько часов до смерти, так около полуночи, он потребовал подаренный ему матерью образок, поцеловал его молча, горячо молился, стал кроток и спокоен и остался так до той минуты, когда смерть внезапно его поразила». В воскресенье, 15 февраля 1857 года, в 4 часа 45 минут композитор скончался. М.И.Глинке не исполнилось еще и 54 лет – возраст, в котором ушли

из жизни П.И.Чайковский и А.П.Бородин и который стал как будто роковой чертой русских музыкантов.

18 февраля композитор был похоронен на Троицком лютеранском кладбище. Как сообщал З.Ден, при погребении присутствовали: «Мейербер, один чиновник русского посольства Бульшталь, Кашперов, скрипач Грюнвальд, который играл Глинке гайдновские квартеты, концертный дирижер Беер, хозяйева и я; две русские дамы, которых я не знал, были жены священников, здешнего и веймарского». Отпевание совершил срочно прибывший из Веймара протоиерей тамошней православной церкви Стефан Сабинин, поскольку постоянный священник при российском посольстве в Берлине В.П.Полисадов был в это время в Петербурге.

Некоторые исследователи жизни и творчества Глинки усматривали в его похоронах некую аналогию с «жалкими проводами» на кладбище Моцарта в поэтической интерпретации Ю.Смирнова:

*За гробом шли не очень дружно,
Шли незначительным числом,
Шли только потому, что нужно,
Здесь, что расстались с теплом...*

Н.Кукольник, искренне переживавший смерть друга, даже обвинял Зигфрида Дена как за выбор кладбища, так и за скромность обряда с малым числом людей, провожавших Глинку в последний путь. Однако вряд ли какие-либо особые претензии могли быть предъявлены З.Дену, который со своей стороны сделал для Глинки максимум, что было в его силах, без всякой поддержки со стороны российских чиновников.

После того как печальная весть о безвременной кончине М.И.Глинки достигла 24 февраля 1857 года Петер-

*Могила М.И.Глинки
на Тихвинском кладбище
Александро-Невской лавры.*

бурга, в придворной Конюшенной церкви, где двадцатью годами ранее отпевали А.С.Пушкина, состоялась скорбная панихида. Текст приглашения, составленный Нестором Кукольником, звучал так: «Господа придворные певчие будут служить панихиду в память бывшего их капельмейстера Михаила Ивановича Глинки. Панихида будет совершена в придворной Конюшенной церкви, о чем извещаются все, кто желал бы почтить его память, как знаменитого отечественного композитора». Сестра Глинки Л.И.Шестакова и друзья композитора немедленно стали добиваться перезахоронения его праха в России, на что было получено высочайшее разрешение императора Александра II, причем все хлопоты и расходы по этому делу правительство взяло на себя. 26 мая 1857 года в 4 часа утра в присутствии протоиерея В.П.Полисадова, Зигфрида Дена, В.П.Энгельгардта и хозяина последней квартиры Глинки гроб с телом композитора был поднят из могилы и 29 мая отправлен на родину, в Петербург. На этот раз Глинка нашел свой вечный покой на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры среди других русских музыкальных гигантов.

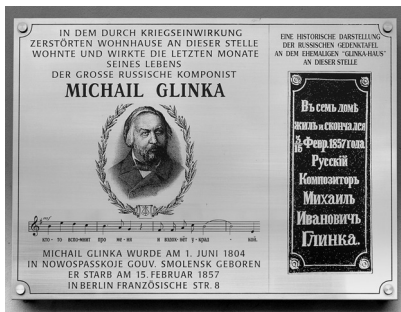
Памятная доска,
установленная
в 1899 году на доме,
где жил и скончался
М.И.Глинка.

Берлин продолжает хранить память о русском композиторе. В 1899 году, в день 95-летия со дня рождения Глинки, на доме, где он жил и скончался (угол Францезишештрассе и Канонирштрассе), русские музыканты во главе с М.А.Балакиревым открыли мемориальную доску на русском и немецком языках.

«Дом Глинки» (Glinka-haus),
Францезишештрассе, 8.
Здание, в котором
жил М.И.Глинка
с 1.09.1856 г. по 15.02.1857 г.

*Доска памяти
М.И.Глинки на новом
доме по Францезише-
штрассе, 8,
установленная
15 февраля 2000 г.
Автор проекта и
оформления Ю.Н.Фост.*

Этот дом, именовавшийся как «дом Глинки», стоял до 1944 года, но был разрушен в результате боевых действий во время Второй мировой войны. После застройки пустыря на углу двух вышеуказанных берлинских улиц на новом доме, по адресу Францезишештрассе, 8, в годовщину смерти композитора, 15 февраля 2000 года, появи-

*Мемориал Глинки
на русском православном
кладбище в Берлине.
Перед колонной – плита
с лютеранского кладбища,
некогда установленная там
по заказу З.Дена.*

лась памятная доска от имени почитателей М.И.Глинки. В 1951 году Каноништрассе переименована в Глинкаштрассе (ул.Глинки).

Несколько лет назад группой энтузиастов было создано Общество друзей памяти Глинки во главе с Юрием Николаевичем Фостом, который изучил много архивных документов, фотографий и опубликовал монографию о берлинском периоде жизни и творчества Глинки – «Триумф и прощание».

О болезни и смерти Глинки. Врачебный консилиум

Клиническая симптоматика заболевания Глинки на протяжении всей жизни до его последней болезни, неустойчивость состояния позволяют предполагать с большой долей вероятности наличие у композитора невротического расстройства с ипохондрическими проявлениями. В своих «Записках» и письмах композитор чрезвычайно подробно и образно описывает малейшие изменения в состоянии своего здоровья. Некоторые фрагменты записок настолько характерны для данной категории пациентов, что врач-специалист может с известной долей достоверности диагностировать невротический характер нарушений здоровья композитора. Возникали все новые и новые, кардинально меняющиеся жалобы (вместо болей в plexus solaris появляется жалоба на «невыносимую тоску, заставлявшую его даже переезжать с места на место), появлялись другие врачи, назначались различные средства лечения, которые не только не облегчали, но зачастую ухудшали состояние несчастного больного. Так, во время трехгодичного пребывания в Италии в связи с неустойчивым состоянием здоровья

Глинка обращался ко многим врачам, которые лечили его и опиумом, и беленой, и водами, и даже отрубями. Облегчение он чувствовал только от отрубей. Даже морской воздух и минеральные воды вызывали появление новых, более тяжелых симптомов.

Многим больным с невротическими расстройствами свойственны тревожность и страхи (заболевания, отравления, смерти), что наблюдалось у Глинки и о чем пишет в своих воспоминаниях Л.И.Шестакова: «Но что в нем было развито до невероятных размеров, это мнительность, – он так боялся смерти, что до смешного ограждал себя от всяких малостей, которые, по его мнению, могли влиять на его здоровье. Он был иногда нездоров, как и все бывают, но он себя считал всегда больным и даже близким к смерти...»

В жизни композитора постоянно происходили переезды с места на место, в связи с чем непросто отыскать многие его следы в Петербурге. Невозможность жить на одном месте и стремление к перемещению воплощены даже в его «Попутной песне» из цикла «Прощание с Петербургом». Однако если А.С.Пушкин считал, что «охота к перемене мест – весьма мучительное свойство, немногих добровольный крест», то для Глинки это был отнюдь не «добровольный крест», а скорее всего, беспокойство как одно из своеобразных проявлений невротического расстройства. Рассказывая о посещениях в Царском Селе семейства княгини Хованской, Глинка сообщает: «Я всегда приезжал к ним на несколько дней; мое появление приводило всех в радость, знали, что где я, там скуки не будет. Действительно, я умел в то время (милое время) разнообразно потешить своих знакомых, в особенности удачным исполнением сцен из опер buffa».

Роковая инфекция

Болезнь и смерть П.И.Чайковского

Но час пробьет.
Меня среди живых не будет.
Я встречу, как и все,
Черед свой роковой.
П.И.Чайковский,
стихотворение «Ландыши», 1878

В октябре 1893 года Петербург стал свидетелем двух важных событий в истории мировой культуры: состоялось первое исполнение Шестой (Патетической) симфонии П.И.Чайковского, а 10 дней спустя автор одного из великих музыкальных творений неожиданно скончался.

Смерть великих людей, как и их жизнь, становится объектом пристального внимания как современников, так и следующих поколений, рождая немало всевозможных толков и спекуляций. Достаточно вспомнить имена Моцарта, Наполеона, Есенина и многих других, чья смерть остается окутанной ореолом загадочности. Не избежал этой участи и П.И.Чайковский, смерть которого для многих стала неожиданной и послужила источником различных домыслов и версий. Это касается, прежде всего, версий о самоубийстве, основывающихся на проблемах, связанных с гомосексуальной ориентацией композитора. В 80-х годах прошлого века на Западе вокруг этих проблем велась активная дискуссия, тогда как в нашей стране затрагивать подобные темы, тем более в связи с П.И.Чайковским, было не принято, да и общество

к такому разговору было просто не готово. Отсюда масса слухов и небылиц, не подтвержденных фактами, некорректная аргументация со ссылкой на лиц, не являвшихся очевидцами последних событий в жизни композитора. Одной из версий был «суд чести», учиненный композитору его коллегами по училищу правоведения, после которого у Чайковского не оставалось иного выхода, кроме самоубийства. Ходили слухи о причастности к этому родного брата композитора, Анатолия, ставшего якобы виновником рокового шага. Упоминалось также о косвенной роли царской семьи в самоубийстве. Не преминули обвинить и врачей – в сокрытии факта самоубийства. И конечно, определенную связь усматривали с последним сочинением композитора – его Шестой (Патетической) симфонией, особенно с темой ее финала (предчувствие или готовность к смерти). Следует упомянуть и о просьбе к композитору великого князя К.К.Романова написать реквием на слова поэта Алексея Апухтина, однокашника Чайковского по училищу правоведения, сыгравшего немалую роль в развитии его гомосексуальных наклонностей. Однако сам Чайковский сообщает великому князю, что в его новой симфонии уже имеется данная тема. Как здесь не вспомнить о реквиеме, заказанном Моцарту незадолго до его смерти?!

Имеющиеся документы позволяют относительно объективно воссоздать и проанализировать события более чем вековой давности, ставшие роковыми для всей мировой музыкальной культуры.

Как известно, П.И.Чайковский прибыл в Петербург 10 октября 1893 года для участия в первом исполнении своей Шестой симфонии в качестве дирижера. Исполнение симфонии состоялось 16 октября в зале Дворян-

ского собрания и встретило, как известно, всего лишь вежливый, но отнюдь не восторженный прием публики и критики.

С 17 по 20 октября Чайковский принимал активное участие в благоустройстве квартиры своего брата Модеста Ильича и племянника Боба (Владимира Львовича Давыдова), недавно поселившихся вместе. Композитор намеревался возвратиться в Москву 23 октября, о чем сообщал в письме к своему другу и нотному издателю П.И.Юргенсону. 18 октября П.И.Чайковский присутствует в Мариинском театре на представлении «Евгения Онегина», 19 октября – в театре Кононова на представлении оперы Антона Рубинштейна «Маккавеи», а 20 октября посещает Александринский театр, где давали «Горячее сердце» А.Н.Островского. После спектакля Петр Ильич отправился вместе с братом, племянниками и еще несколькими друзьями в ресторан Лейнера, расположенный в доме на углу Невского и Мойки. В судьбе дома тесно переплелись литературная и ресторанная жизнь Петербурга. Здесь в 1791 году два иностранца, Вольф и Беранже, открыли кондитерскую, которая почти сразу стала популярной среди людей искусства. Это место печально известно и тем, что здесь перед дуэлью состоялась встреча Пушкина с его секундантом Данзасом. Впоследствии владельцы превратили кондитерскую в стилизованное китайское кафе, а спустя некоторое время на этом месте открылся ресторан Лейнера, славящийся свежим мюнхенским пивом. Довольно нелестную характеристику лейнеровскому детищу дал один из репортеров газеты «Курьер»: «Ресторан, где скверно кормят, отвратительное низкое помещение, с начала вечера наполняющееся клубами табачного дыма и испарениями, но куда

почему-то собираются каждый вечер представители свободных профессий – артисты, художники, литераторы...». В этом ресторане и оказался П.И. Чайковский.

Племянник композитора В.Л. Давыдов пишет: «Окончив заказ, Петр Ильич обратился к слуге и попросил принести ему стакан воды. Через несколько минут слуга возвратился и доложил, что переваренной воды нет. Тогда Петр Ильич с некоторой досадой в голосе раздраженно сказал: «Так дайте сырой, и похолоднее». Все стали его отговаривать, учитывая холерную эпидемию в городе, но Петр Ильич сказал, что это предрассудки, в которые он не верит, и успел залпом выпить роковой стакан». В этом некоторые усматривали завуалированную суицидальную попытку композитора, понимавшего, какое фатальное действие может оказать некипяченая вода во время холерной эпидемии.

Ужин закончился во втором часу ночи, и Петр Ильич вернулся домой совершенно здоровым и в хорошем расположении духа. На ночь, как это делали всегда, ему поставили стакан воды, который он и выпил до дна. Эту ночь, с 20 на 21 октября, Чайковский провел беспокойно вследствие расстройства желудка, что, однако, нисколько не беспокоило его брата, так как подобные расстройства наблюдались у Петра Ильича и раньше, нередко в сильной форме, но быстро проходили. Возможно, композитор страдал синдромом неязвенной диспепсии или синдромом раздраженной кишки как проявлениями вегетативной дисфункции. По свидетельству брата и племянника, Петр Ильич прибегал в этих случаях к приему касторового масла. Однако на этот раз слуга вместо касторового масла принес слабительную соль Гуниади, которую Чайковский тотчас принял. По всей вероятности, име-

ющаяся к тому времени симптоматика была начальным проявлением холеры. Как впоследствии подчеркивали врачи, лечившие Чайковского, прием щелочной слабительной соли мог способствовать заболеванию холерой из-за нейтрализации соляной кислоты желудочного сока, обеспечивающей гибель холерных вибрионов и препятствующей проникновению их в кишечник. Кроме того, наличие функциональных расстройств желудочно-кишечного тракта у композитора считается одним из факторов, предрасполагающих к заболеванию холерой.

После приема слабительной соли Петр Ильич почувствовал некоторое облегчение. Он даже переоделся и отправился с визитом к Э.Ф.Направнику, но, почувствовав себя плохо, вернулся на извозчике домой. Между 12 и 13 часами состояние позволило ему написать два письма. Во время завтрака Петр Ильич сидел за столом, но не ел, опасаясь ухудшения состояния. По воспоминаниям брата, Модеста Ильича, «этот завтрак имеет фатальное значение, потому что во время разговора о принятом лекарстве он налил стакан воды и отпил из него. Вода была сырая. Мы все были испуганы; он один отнесся к этому равнодушно и успокаивал нас. Из всех болезней он всегда менее всего боялся холеры». Здесь уместно еще раз проанализировать возможные источники заражения композитора и, в частности, роль в этом пресловутых стаканов сырой воды, выпитых в ресторане и дома. Выше уже упоминались случаи употребления Чайковским сырой воды: 1. В ресторане Лейнера (сообщения газет, не опровергнутые владельцем ресторана; воспоминания племянника, Ю.Л.Давыдова). 2. Ночью, после возвращения из ресторана (газета «Биржевые ведомости», интервью с известным певцом Н.Н.Фигнером, первым исполнителем роли

Германа в «Пиковой даме»). 3. За завтраком (воспоминания М.И.Чайковского). Независимо от правдоподобности приведенных версий, а также с учетом привычки П.И.Чайковского пить холодную воду, порой злоупотребляя этим, правомочно предположить, что композитор мог пить воду по несколько раз в день и в разных местах. Кроме того, он мог заразиться холерой в любом месте и в любой ситуации (питье воды, еда, умывание сырой водой, пользование общим туалетом и т.д.). О неблагоприятной санитарной обстановке в учреждениях общественного питания Петербурга того времени сообщалось в газетах. «Санитарная комиссия провела исследование трактирного кипятку, который на основании обязательного постановления должен иметься в каждом учреждении подобного рода, и пришла к самым неутешительным результатам. Анализ показал, что кипяченая вода всюду разбавляется сырой и в таком виде подается посетителям» (газета «Сын отечества», 26.10.1883 г.). Разумеется, теперь уже невозможно установить источник заражения композитора, поскольку для этого нужны результаты бактериологического исследования. Необходимо также отметить, что, вопреки мнению о затихании холерной вспышки в Петербурге в те дни, имеются подтвержденные данные о том, что по крайней мере до декабря 1893 года Петербург оставался очагом заражения холерой. Об этом свидетельствует сообщение на заседании холерной секции общества русских врачей «о нахождении Коховских холерных бактерий в невиской воде».

Итак, перенесемся вновь в дом на Малой Морской улице, где находился П.И.Чайковский.

В 16 часов 21 октября состояние композитора ухудшилось. Были отмечены учащение жидкого стула, непре-

*Санкт-Петербург,
Малая Морская ул., 13.
Дом с мемориальной
доской, где скончался
П.И. Чайковский.*

рывная рвота, упадок сил, что уже отличалось от обычно протекающих у него нарушений. Принято решение послать за доктором – Василием Бернардовичем Бертенсоном, другом семьи, хорошо знавшим и не раз лечившим Петра Ильича. «Петя нездоров. Его все время тошнит и слабит. Бога ради, заезжайте посмотреть, что это такое», – пишет в записке к В.Б.Бертенсону Модест Ильич. С 16 до 18 часов рвота и понос стали настолько сильными, что ухаживающий за композитором слуга Модеста Ильича, не дождавшись доктора Бертенсона, послал за первым попавшимся. Никаких сведений и мнений о рекомендациях вызванного неизвестного врача не имеется. В документах лишь указывается, что «о холере все-таки никто не думал», хотя, по имеющимся описаниям, у композитора наблюдалась типичная симптоматика холерного гастроэнтерита.

Приехавший около 20 часов В.Б.Бертенсон констатировал тяжелое состояние больного и убедился, что это не банальный обострившийся катар желудка и кишечника, но нечто худшее. По-видимому, у него возникла мысль о холере. В своих воспоминаниях В.Б.Бертенсон